

Но она ведь просто напилась, а вовсе не потеряла память, так что, оправившись от шока, она сразу вспомнила всё, что произошло прошлым вечером. Если бы время можно было повернуть вспять, она ни за что не переступила бы порог той барной стойки и не стала бы напиваться.

Ладно, будем считать, что её просто укусила собака.

Ли Цун только что заполучил красотку — разве мог он легко отпустить её, толком не насытившись? Заметив в тот день, что Бай Юйтун эмоционально нестабильна, он благоразумно отправил её домой. Однако впоследствии он не давал ей прохода, и в конце концов эти бесконечные домогательства привели к тому, что семья Бай узнала об их отношениях. Бабушка и родители Бай Юйтун придерживались консервативных взглядов: раз между Бай Юйтун и Ли Цуном произошло такое, в их глазах дело с их свадьбой можно было считать решенным.

Каждый раз, когда Бай Юйтун возвращалась домой, родные допытывались, когда же свадьба, как долго они встречаются... Бай Юйтун была до смерти измотана этими расспросами, но никак не могла объяснить, что они с Ли Цуном — всего лишь минутное безумство. Ей оставалось лишь с замирающим сердцем, путаясь в словах, давать туманные ответы, а семья принимала это за проявление девичьей стыдливости. Ли Цун же, очевидно, чувствовал себя в подобных ситуациях как рыба в воде; к тому же, когда ему требовалось расположить к себе кого-то, его язык становился слаще меда. Старшие семьи Бай безоговорочно поверили в их отношения, да и к самому Ли Цуну относились как к родному зятю.

За последние несколько месяцев из-за лекарственной терапии и мучительной боли Хэ Юйсинь исхудала настолько, что ее лицо осунулось, а подбородок стал острым, как шило — зрелище, способное вызвать искреннюю жалость у любого. Однако она с детства привыкла быть сильной и никому не показывала и тени своей слабости: каждое утро, еще до прихода медсестры, она одевалась и накладывала макияж.

Сегодня утром Хэ Юньчжэн поднялся с постели спозаранку, тщательно сварил бульон и, проведив Лян Вэньчжо, отправился в больницу с термосом в руках. Он толкнула дверь палаты Хэ Юйсинь и застал сестру сидящей на кровати со скрещенными ногами — она как раз подводила брови. Увидев, что брат вошел, она отложила карандаш для бровей и маленькое зеркальце, подняла голову и спросила:

— Братец, а можно мне сделать химиотерапию попозже? Я слышала, от нее выпадают волосы.

Хэ Юйсинь надула губки, притворившись обиженной, как ребенок, но в ее глазах прятались тщательно скрываемые тревога и горечь. Тот, кто не заглядывал в лицо смерти, вряд ли способен по-настоящему бояться ее, а уж тот, кто живет в достатке, страшится конца вдвойне — Хэ Юйсинь подходила под оба эти описания. Девочка, которую с младых ногтей баловали и лелеяли холодные к остальным отец и мать, девушка, которая только-только окончила университет, чья прекрасная жизнь еще даже не успела начаться и у которой толком не было ни одного настоящего романа, вдруг оказалась столкнута беспощадной болезнью прямо в объятия мрачного жнеца.

— Пока тебе не придется делать химиотерапию, нужно лишь следовать предписаниям врачей и принимать лекарства, а подходящий костный мозг уже найден, — произнес Хэ Юйсинь, ставя термос на прикроватную тумбочку и наливая горячий суп в пиалу.

Услышав о том, что совместимый донор наконец найден, Хэ Юйсинь сперва опешила, а в следующее мгновение ее захлестнула дикая радость.

— Братец, ты правду говоришь? — глядя на то, как суетится Хэ Юньчжэн, спросила она, и ее

глаза засияли, наполнившись таким ликованием, словно в них рассыпали звезды.

Хэ Юньчжэн протянул руку, потрепал сестру по голове и, опустив полный нежности взгляд, утешил ее:

— Разумеется, правда. Поиск взял на себя Лян Вэньчжо. Правда, сейчас он в командировке в другом городе и вернется только через месяц, так что у тебя как раз будет время окрепнуть и подготовиться к операции.

— Без проблем! — на лице Хэ Юйсинь впервые с момента постановки диагноза засияла улыбка, в которой не осталось и следа прежней мрачности; она даже продемонстрировала ряд ровных белых зубов. Девушка потянулась за пиалой, которую держал брат, и хотя ее рука слегка дрогнула и пара капель супа плеснула на простыню, это ничуть не испортило ей настроение. Раз уж она столько времени выдержала, то подождать еще месяц-другой для нее не составит труда.

Хэ Юньчжэн с легкой улыбкой промолчал. Дождавшись, пока сестра допьет суп, он сходил помыть пиалу и только после этого собрался уходить. Стоило ему перешагнуть порог палаты, как телефон в кармане куртки коротко вибрировал. Достав аппарат и увидев на экране незнакомый номер, Хэ Юньчжэн слегка приподнял брови:

— Алло, здравствуйте, с кем я говорю?

Тем временем в офисе Корпорации Лян Е Ижань откинулся на спинку кресла, закинув ноги одна на другую прямо на рабочий стол, и на его лице отчетливо читалось самодовольство человека, уверенного в своей победе.

— Господин Хэ, я младший брат вашего возлюбленного Лян Вэньчжо, меня зовут Е Ижань.

Услышав из уст собеседника фразу ваш возлюбленный Лян Вэньчжо, Хэ Юньчжэн лишь чуть изогнул губы в усмешке. Будучи врачом в больнице, он прекрасно понимал, что медицинская репутация — вещь хрупкая. Наверное, кто-то другой на его месте, столкнувшись с подобной едва прикрытой угрозой, давно бы запаниковал и потерял почву под ногами, но Хэ Юньчжэн из робкого десятка не был. Они с Лян Вэньчжо собирались прожить вместе всю жизнь, и то, что об их отношениях кто-то узнает, было лишь вопросом времени. Чего ему бояться?

Хэ Юньчжэн поинтересовался:

— Слушаю вас, по какому вы вопросу?

Е Ижань, уже было занесший руку, чтобы повернуть папки с бумагами, замер на полудвижении. Уголки его губ приподнялись в легкой улыбке: услышав спокойный голос собеседника, в котором не было ни малейшего намека на испуг или на свойственное людям волнение при встрече с родственниками своего партнера, он испытал немалое удивление. Быть может, однополые союзы устроены иначе, чем традиционные романы между мужчиной и женщиной, а может, этот человек вовсе не так привязан к Лян Вэньчжо, как ему казалось. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения.

— Вам удобно сейчас уделить мне немного времени и поговорить?

Хэ Юньчжэн опустил взгляд, бросил на часы и ответил:

— Хорошо, давайте встретимся в Цзинхунчжай, вам так будет удобно?

Место для свидания Хэ Юньчжэн выбрал сам.

Цзинхунчжай находился неподалеку от зданий Корпорации Лян и представлял собой вегетарианский ресторанчик, владелицей которого была молодая женщина, принципиально не употреблявшая животные жиры. Выбор Хэ Юньчжэна пал на это место еще и потому, что совсем рядом располагался крупный супермаркет, да и до нынешнего жилья Лян Вэньчжо оттуда было рукой подать.

— Без проблем, я скоро буду, — Е Ижань дернул уголком рта. Он привык держать все инициативу в своих руках, и то, что Хэ Юньчжэн опередил его и сам назначил место встречи, слегка задело его самолюбие. Впрочем, не беда — в конце концов, козырь в виде судьбы чужой сестры все еще был у него в рукаве!

Е Ижань тихонько хмыкнул, отбросил в сторону папочку с документами, поднялся с кресла, поправил воротник и направился к выходу.

Цзинхунчжай.

— Господин Хэ, мне прекрасно известно, что вы росли вместе с младшей сестрой и между вами установилась глубокая привязанность. Сейчас же госпожа Хэ заболела лейкемией, и ее положение, мягко говоря, оставляет желать лучшего, — выдав эту фразу, Е Ижань с деланным сочувствием покачал головой, будто и впрямь переживал за чужое горе.

Хэ Юньчжэн с бесстрастным лицом наблюдал за этим дешевым представлением. Лян Вэньчжо, прождав целое вечность и так и не дождавшись ответа, с каждым мгновением все сильнее раздражался, но Е Ижань, сохраняя невозмутимый вид, продолжал гнуть свою линию:

— У меня как раз есть знакомый, чей костный мозг идеально подходит для пересадки госпоже Хэ. Но вы же понимаете, насколько бесценен костный мозг, и если мой друг решится на такую операцию, это может серьезно отразиться на всей его дальнейшей жизни! — Е Ижань тяжело вздохнул, изображая крайнюю степень колебаний.

— Понимаю, бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Услышав это, Е Ижань едва заметно нахмурился, собираясь сперва возразить, но в итоге лишь с напускным отчаянием вздохнул. Спустя долгое время он произнес с фальшивой усталостью в голосе:

— Что вы такое говорите...

Заметив, что Хэ Юньчжэн молчит, Е Ижань позволил промелькнуть в своих глазах нотке ностальгии и продолжил:

— Когда-то в детстве я собственными руками вырезал для старшего брата печать. По юношеской наивности я и помыслить не мог, что наши отношения с ним со временем остынут до такой степени.

Хэ Юньчжэн с ледяным презрением наблюдал за этой высококлассной игрой на публику. Нужно признать, Е Ижань явно умел находить те самые незаметные струны, которые в сочетании с нереалистичными на первый взгляд обстоятельствами и правильной дозировкой материальной выгоды способны легко сокрушить душевную оборону почти любого человека. Правда, на самого Хэ Юньчжэна этот фокус не действовал.

...

— Если господин Хэ поможет мне вернуть ту печать, я помогу вам убедить моего знакомого стать донором, — произнес в конце концов Е Ижань.

Хэ Юньчжэн, впрочем, не стал сразу же отрезать концы:

— Я подумаю над вашим предложением.

Попрощавшись, они разошлись в разные стороны. Возвращаясь домой на машине, Хэ Юньчжэн не переставал мысленно поражаться причудам судьбы.

В прошлой жизни Е Ижань наотрез отказывался позволить Бай Юйтун стать донором, а теперь сам же использовал это как приманку, пообещав взамен помочь избавиться от Ли Цун. Еще более странным было то, что он по-прежнему питал к Бай Юйтун те же чувства... До чего же нелепо!

Держась на некотором расстоянии, Бай Юйтун шла по территории больницы. Она остановилась в стороне, глядя на сидевшую под тенью раскидистого платана Хэ Юйсинь, одетую в больничную пижаму в синюю полоску. В эту пору листья платана были еще совсем свежими и зелеными, а земля под деревьями покрыта сочной травой. Эта полная жизни картина разительно контрастировала с бледностью и изможденностью Хэ Юйсинь, однако девочка, которая должна была воплощать собой увядание и хрупкость, сидела на весеннем солнце, чуть вскинув подбородок и прищурившись, наслаждаясь теплом.

Проходившие мимо взрослые бережно притягивали к себе детей, опасаясь, как бы малыши не задели Хэ Юйсинь — они боялись как того, что хрупкий ребенок может подхватить лейкемию, так и того, что не в меру резвые детишки случайно травмируют больную. Сама же Хэ Юйсинь казалась совершенно равнодушной к происходящему: на ее коленях лежала книга, а в руках — лучи солнца, и вид у нее был настолько безмятежный, будто она уже давным-давно полностью исцелилась.

Заметив, что за ней наблюдают, Хэ Юйсинь повернула голову. Перед ней стояла девушка в белой рубашке и синих джинсах, с мягкими прядями длинных волос, но выражение ее лица было куда более мрачным, чем у той, чья жизнь висела на волоске. Нельзя сказать, что от Бай Юйтун веяло могильным холодом, но исходящая от нее изнутри аура напрочь лишала ее всякого намека на юность, заставляя выглядеть куда более несчастной и изнуренной, чем сама больная.

Увидев, что Хэ Юйсинь смотрит на нее, Бай Юйтун сделала шаг вперед. Одна из них была блехдой, хрупкой, но сохранившей душевный свет, а другая — физически здоровой, но потухшей. По сравнению с Хэ Юйсинь, именно Бай Юйтун выглядела тяжело и неизлечимо больной.

— Здравствуйте, госпожа Хэ, — Бай Юйтун протянула руку, с первого же мгновения отчетливо разглядев сквозь эту внешнюю хрупкость негибкую стойкость ровесницы. В её сердце шевельнулось смутное чувство: она всё ещё помнила, какой яркой и дерзкой была эта девушка в день их первой встречи. Тогда она думала, что та — девушка Хэ Юньчжэня, но оказалось, что это простое недоразумение. Ещё несколько дней назад она узнала от Е Ижана, что Хэ Юньчжэн и Хэ Юйсинь — родные брат и сестра с очень тёплыми отношениями, однако у Хэ Юньчжэня, как он и говорил, уже есть любимый человек. Бай Юйтун не сомневалась, что Хэ Юньчжэн не стал бы её обманывать в таком деле.

Хэ Юйсинь протянула руку, чтобы пожать руку Бай Юйтун. Она прекрасно видела, что женщина перед ней не из тех, кто любит заводить знакомства — скорее, она просто не умела этого делать.

И действительно, собеседница пришла вовсе не для праздной болтовни. Помолчав несколько секунд, Бай Юйтун заговорила:

— Наш костный мозг идеально подходит для пересадки.

Взгляд Бай Юйтун поблек, в нём промелькнула толика меланхолии — выражение лица было вовсе не похоже на то, какое обычно бывает у человека, радующегося возможности помочь другим.

Хэ Юйсинь никак не ожидала встретить своего донора в этот момент. Наслушавшись рассказов от брата, она всегда представляла себе её этаким ухоженной городской красавицей лет двадцати с небольшим. Женщина, стоявшая перед ней, внешне казалась чуть проще, но, судя по всему, это была именно она.

— Спасибо тебе, — искренне произнесла Хэ Юйсинь.

Услышав это, Бай Юйтун горько улыбнулась, покачала головой, попрощалась и, не дожидаясь ответа Хэ Юйсинь, повернулась и ушла.

Глядя ей вслед, Хэ Юйсинь озадаченно и тихо пробормотала «до свидания», впрочем, быстро забыв об этом маленьком эпизоде. Донора помог отыскать Лян Вэньчжо, и, если подумать, дело наверняка решилось с помощью денег. Судя по виду этой женщины, она была крайне недовольна, но расставаться с деньгами ей было жалко.

Ну и что с того! Большинство сделок, на которые люди соглашаются, по крайней мере взаимовыгодны. Раз уж она согласилась, несмотря на такое явное нежелание, значит, в этом была для неё какая-то выгода, и Хэ Юйсинь вовсе не чувствовала себя перед ней виноватой.

Хэ Юньчжэнь находился в доме Лян Вэньчжо. Нога Лян Вэньчжо уже почти зажила, и в последнее время готовить самому было не нужно — они каждый день ели трижды в день то, что стряпал Лян Вэньчжо. У Лян Вэньчжо были золотые руки, и он особенно искусно обращений с кухонной утварью, однако большую часть времени он был ленив, а когда из его жизни исчез тот самый человек, лениться он стал ещё больше.

К ужину подали рис и рыбу: Хэ Юньчжэнь обожал рыбу, а Лян Вэньчжо предпочитал рис. После ужина Хэ Юньчжэнь пересказал Лян Вэньчжо ту самую «просьбу», которую Е Ижань озвучил в Цзинхунчжай.

— Он говорит, что когда-то подарил тебе собственноручно вырезанную печать, а теперь, когда ваши отношения испортились, хочет вернуть её обратно. Неужели ты и впрямь задолжал ему какую-то печать? — Хэ Юньчжэнь посмотрел на Лян Вэньчжо, приподнял брови и неопределенно усмехнулся.

Лян Вэньчжо сидел в стороне, молча выслушивая его слова. Спустя мгновение на его губах появилась чуть холодная улыбка:

— Печать?

Поразмыслив немного, он достал деревянную печать и протянул её Хэ Юньчжэню.

Деревянная печать представляла собой самый обычный правильный прямоугольник, поверхность которого отливала мягким матовым блеском — казалось, ею пользовались очень часто. Наощупь она была гладкой и приятной, совсем не холодной, как нефрит. Хэ Юньчжэнь покрутил печать в пальцах, оглаживая её, а затем перевернул стороной с красной штемпельной краской. Там значилось «Лян Вэньчжо» — три иероглифа выглядели аккуратными и правильными, но не производили впечатления работы мастера. Если бы Хэ Юньчжэнь ничего не знал, то, взглянув на эти надписи, пожалуй, поверил бы словам Е Ижана.

Лян Вэньчжо пояснил:

— Эту личную печать перед смертью вырезала для меня моя мать, имена выведены её почерком. У Е Ижана есть точно такая же. Когда я подписываю служебные документы, то редко ставлю подпись от руки, чаще всего просто использую печать.

Учитывая всё это, а также то, с каким упорством Е Ижань зарился на принадлежавшие Лян Вэньчжо акции, Хэ Юньчжэнь мог догадаться о мыслях Е Ижана. Он слегка кивнул.

— Е Ижань уже не первый день заглядывается на мои акции. Раз он сейчас пытается заставить тебя украсть печать, значит, задумал подделать контракт. Доведённый до отчаяния подобными глупостями, он наверняка услышал слухи о том, что я скоро перейму управление корпорацией. Отец сейчас стоит во главе компании, но на самом деле владеет лишь мизерной долей акций. Если бы не долгие годы на этом посту да личные способности, его бы давно уже сместили. Как ни крути, я потомок семьи Лян, а дед в своё время завещал мне принять компанию до того, как мне исполнится тридцать. Если подсчитать, как раз пришло время.

Взгляд Лян Вэньчжо упал на холодные и чистые глаза Хэ Юньчжэня, и он продолжил:

— Давным-давно Е Ижань и впрямь подарил мне печать.

Вспомнив что-то, Лян Вэньчжо улыбнулся и добавил:

— С детских лет я не отличался эмоциональностью, мои отношения с домочадцами были не столь близки, как у обычных людей, да и к этому младшему брату тепла я не показывал. Е Ижань с малых лет был себе на уме: хоть и непонятно, какими соображениями он руководствовался, пытаюсь завести дружбу со сводным старшим братом по фамилии Лян, которого вечно терпеть не мог, он действительно подарил мне вырезанную своими руками

печать. Но это была не та печать.

У Е Ижания был талант к резьбе — еще подростком он умел вырезать вещи не хуже Лян Хэйхэй, которая занималась этим много лет. Будучи старшим братом, Лян Вэньчжо, разумеется, не стал бы просто так отвергать подарок младшего, поэтому преподнесённую Е Ижанем вещицу он тогда убрал на хранение.

По работе Лян Вэньчжо всегда пользовался печатью, вырезанной матерью перед смертью, и никогда не доставал подарок Е Ижания. Е Ижань знал, что Лян Вэньчжо не пользуется его даром, однако, по всей видимости, думал, что тот просто выбросил эту вещь. Лян Вэньчжо до сих пор помнил, как какое-то время Е Ижань с мрачным лицом то и дело бросал косые взгляды на его печать.

— Тебе не нужно в это вмешиваться.

Взгляд Лян Вэньчжо проследовал за пальцами Хэ Юньчжэня, которые продолжали вертеть печать. Помолчав немного, он подался вперёд, протянул руку и аккуратно вытащил печать из ловких пальцев собеседника, положив её на столик позади себя. Слегка наклонившись, он протянул руку и мягко переплел свои пальцы с пальцами Хэ Юньчжэня. Их взгляды встретились: глаза Хэ Юньчжэня были пронзительно-чёрными, ясными, с отблеском суровой холодной решимости. Любой, на кого он так смотрел, чувствовал, будто заглядывает ему в самую душу, но стоило ему по-настоящему впустить кого-то в сердце, как этот человек тонул на дне его глаз.

Вот так. Пусть в его глазах отражается только он один... Лян Вэньчжо не хотел, чтобы Хэ Юньчжэнь расточал избыток внимания и чувств на кого-то ещё. Он помогал Хэ Юйсинь вовсе не из любви к её брату, а лишь для того, чтобы Хэ Юньчжэнь не держал её постоянно в мыслях. Даже после того, как Хэ Юйсинь выздоровеет, он продолжит помогать заботиться о ней ради Хэ Юньчжэня. Лян Вэньчжо улыбнулся, и Хэ Юньчжэнь, заметив перемену во взгляде Лян Вэньчжо, тоже легонько улыбнулся. На дне его глаз растаяла капля нежности — Лян Вэньчжо наверняка и не подозревал, что его нынешний взгляд выдавал почти все его чувства и сокровенные мысли.

Тем временем в больнице Хэ Юйсинь, только что проснувшаяся и всё ещё сонная, громко чихнула. Поспешно прикрыв нос, она выдернула из стоявшей у изголовья пачки несколько салфеток, прижала к носу и тщательно вытерлась. Бросив взгляд на использованную салфетку — та оказалась совершенно чистой, без малейшего следа крови, — она швырнула её в мусорное ведро, мысленно вздыхая о том, как же хлопотно болеть...

В залитом ярким светом свадебном салоне девушка-консультант шла впереди, помогая двум новым гостям выбирать подвенечное платье, пока не остановилась перед манекеном в белоснежном кружевном наряде.

Консультант с приветливой улыбкой зашебетала:

— Это наша новинка этого года от известного дизайнера Икс-Икс-Икс. Ткань очень комфортная, крой лаконичный и элегантный. Если вам обоим нравится, можете сначала примерить.

Мать Бай протянула руку, проверила на ощупь ткань платья, отошла на пару шагов назад, чтобы оценить его издали, и в её глазах мелькнуло довольство. Она восторженно произнесла:

— Когда мы с твоим папой поженились, я была в красном платье, которое в молодости носила твоя бабушка, на нём не было даже ни единого цветочка! Нынешние свадебные платья просто прекрасны.

Бай Юйтун с неловким видом стояла неподалёку. Она никак не ожидала, что сегодня утром мама зазвала её пройтись по магазинам под предлогом выбора одежды, а на самом деле привезла сюда, чтобы присмотреть ей свадебное платье.

— Тун-тун, маме кажется, что это платье самое красивое из всех в этих магазинах. Ты в нём будешь просто неотразима, иди примерь! — Мать Бай повернулась к Бай Юйтун, её лицо сияло радостью матери, чья дочь наконец-то повзрослела.

Бай Юйтун закусила губу, её лицо слегка побледнело. Даже не глядя на свадебное платье, она произнесла, обращаясь к матери, которая продолжала любоваться нарядной тканью:

— Мам, давай сначала вернемся домой! Папа ведь дома, ждет, пока мы приготовим ужин!

Мать Бай отмахнулась:

— Твой папа с самого начала знал, что мы идем выбирать свадебное платье, и сказал, что берет ужин на себя, так что времени у нас предостаточно. Тун-тун, иди скорее примерь.

Бай Юйтун замерла на месте, хмуро сдвинув брови и не делая ни шагу.

— Ну же, иди примерь, замужество — это событие всей жизни, чего ты стыдишься? Давай-давай, иди. — Мать Бай повернулась к ней снова, не скрывая улыбки.

Внутри у Бай Юйтун всё бушевало так, словно там заросли сорняками целые поля. Наконец, она не выдержала:

— Мам, давай придём в следующий раз! — протянув руку, она схватила мать за локоть, и они вдвоём, слегка толкая друг друга, направились к выходу из салона.

Сейчас Бай Юйтун казалось, что если она пробудет здесь хоть на минуту дольше, то просто сорвётся и разорвет в клочья все платья в этом магазине. Какое ещё замужество! Она ни за что не выйдет замуж за Ли Цун.

— Оставьте это платье за нами! — крикнула мать Бай, уже на выходе обернувшись бросить

взгляд на оставшееся позади свадебное платье, и с явным сожалением добавила продавщице.

Консультант, казалось, вовсе не заметила неловкости между ними и с вежливой улыбкой ответила:

— Не беспокойтесь.

А когда они уже переступали порог, добавила вслед:

— Желаем вам приятной жизни, приходите к нам ещё!

Отойдя недалеко, Бай Юйтун поймала на обочине проезжавшее мимо такси, открыла дверцу и затолкала туда мать.

— Мам, поезжай домой, мне нужно заехать по делам в компанию, — бросила она и захлопнула дверь.

Улыбка на лице матери Бай увяла, сменившись тенью одиночества. Через стекло автомобиля она проводила взглядом удаляющуюся спину дочери, словно желая что-то добавить. На самом деле она хотела сказать: «А где ты будешь ужинать?..»

<http://bllate.org/book/21672/2235894>